ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОСТЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА РОССИИ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Когда заходит речь о перспективах России применительно к процессам глобализации, то обычно российское общество ставят в ситуацию так называемого цивилизационного выбора. Причем, чтобы кто-то ясно и четко сказал: что выбрать, в какую сторону бежать, и «вообще» – что делать. Мне представляется, что такая постановка проблемы неадекватна и бесперспективна. Во-первых, она ставит наше общество на распутье, в положение противостояний, жестких альтернатив типа «иного не дано». И при этом, во-вторых, готовые решения предлагаются в жанре постановки диагноза без знания больного. А главное, в-третьих, без уточнения – из чего, собственно, выбирать-то. В такой ситуации особенно опасно поддаваться призывам «бежать», и при этом срочно в кем-то наспех определенном направлении. Дело философа – не призывать, или, как учили мудрые, – не плакать, не смеяться, но понимать.

Поэтому, не исключая и даже предполагая важность первых двух обстоятельств, стоит обратить особое внимание на третье, «фоновое» обстоятельство: прежде чем определяться, нужно прояснить контекст такого самоопределения. Оно, конечно, «не надо прогибаться под изменчивый мир», но даже если ты ждешь, что «мир прогнется под нас», не стоит пренебрегать знанием этого мира. Тем более, что мир этот действительно «изменчив».

Современный феномен глобализации – отнюдь не уникальное явление. Как в историческом плане, так и применительно к современности. Любая империя в определенном плане может рассматриваться как глобалистский проект, претендующий на универсальность и интеграцию. В этом плане «глобализация» всегда присутствовала в человеческой истории, по крайней мере, с появлением первых империй – фактических ростков глобализации. Более того, даже применительно к современности нельзя, невозможно говорить о каком-то единственном проекте глобализации.

Традиционно глобализация трактуется как торжество христианской по истокам европейской цивилизации в ее наиболее успешном – американском – исполнении, связанном с массовым обществом потребления, его интенсивными комму-

никациями, экономическими рынками планетарного масштаба. Фактически речь идет о торжестве проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека, все на благо человека! Человек есть мера всех вещей!». И т.д. Этот цивилизационный прорыв, определяющий лицо современного мира, все его достижения, перспективы и проблемы неспроста произошел именно в христианской Европе. Факторов, обусловивших это, великое множество, но есть главный, решающий.

1. Глобализация – результат встречи Иерусалима и Афин?

Разговоры о «диалоге культур», «цветущем разнообразии культур», «культурной интеграции» и т.п. всегда выглядят несколько романтичными и даже комичными.

Культуры бывают разные и во всем своем разнообразии обладающими удивительно универсальной динамикой развития, связанной с возникновением, стадиями роста, стабилизации и угасания. Некоторые такие закономерности были рассмотрены ранее[1] – прежде всего, в плане динамики «горячей» и «холодной» стадий развития и состояния культуры. Такое рассмотрение ограничивалось рамками европейской цивилизации, объясняя противостояние национализма и либерализма в ее рамках. Насколько универсален такой подход?

Цивилизационный прорыв, определяющий лицо современного мира, все его достижения, перспективы и проблемы неспроста произошел именно в христианской Европе. Практически все основные идеи и открытия, необходимые для такого цивилизационного старта уже имелись в культурах Египта, Индии, Китая. Но прорыв произошел именно в Европе. Факторов, обусловивших это, великое множество, но есть главный, решающий. Это «встреча Афин и Иерусалима» – синтез двух великих идей: иудео-христианского монотеизма и греческой логики.

Действительно, знание того, что мир сотворен единой волей по единому разумному замыслу, и что человеку даны интеллектуальные средства и способности постижения этого замысла (Логоса как рациональной идеи, мысли, закона мироустройства) – ключевой момент для понимания, почему именно в лоне иудео-христианской традиции стали возможны возникновение научных методов, научно-технический прогресс. Сначала как оттачивание логического инструментария в теологических спорах, изощренного анализа и толкования священных текстов. Затем пришло осознание возможности вопрошать не только тексты, но и саму природу, пытать ее (о-пытное знание)[2].

Важной промежуточной стадией стал деизм – идея о том, что творец единовременно запустил мир, который в дальнейшем уже развивается сам по изначально установленным законам. Отсюда оставался уже только один шаг до отбрасывания «гипотезы Бога» и перехода к деятельности не только познавательной, но и преобразовательной со всеми вытекающими из этого последствиями: от грандиозных научно-технических достижений до экологических катастроф и нравственного человекобожеского самозванства.

Можно по-разному идентифицировать эту цивилизацию – как фаустовскую, как прометеевскую, и т.д., но факт налицо – ее содержанием является именно идея рациональности во всех ее проявлениях и коннотациях от разумности до эффективности, иначе говоря, – слова и дела. Эта цивилизационная установка с самого начала воспринималась неоднозначно и неоднократно подвергалась критике: за персонализм свободы и собственности, за формализм права, за пафос самозванного преобразовательного насилия рационалистического активизма[3]. В процессе этой критики оформились идеи либерализма, демократии, толерантности, справедливости.

Так или иначе, но эта, возникшая в лоне христианства, цивилизация оказала существенное влияние и на другие культуры, связанные с другими религиями: исламскую, буддистскую, конфуцианскую, индуистскую, синтоистскую. Более того, эта многократная рецепция породила ряд цивилизационных альтернатив и перспектив, на которые и хотелось бы обратить внимание. Дело в том, что некоторые из таких альтернатив и перспектив уже в ближайшее время потребуют достаточно внятной оценки, поскольку последствия их развития выглядят весьма нетривиально, если не представляются серьезными вызовами и испытаниями европейской цивилизации.

2. Субъектные и бессубъектные цивилизации

Для начала хотелось бы обратить внимание на одно нетривиальное типологическое различие. Речь идет о различении, в зависимости от религиозно-мировоззренческого фактора и соответствующей религиозной ментальности, субъектных и бессубъектных культур[4]. К первым относятся западное христианство, православие и иудаизм. Ко вторым – ислам, индуизм, буддизм, конфуциансто и синтоизм.

Роль монотеизма в становлении европейской науки, как уже отмечалось выше, хорошо известна[5]. Но роль именно «субъект-

ных» конфессий важна не только в оформлении идеи субъекта познания. В.В. Можаровский выделяет значение идеи равносущной Троицы, обусловившей, по его мнению, идеи доступности человеку постижения Божественного, сопричастности человека трансцендентному. Субъект христианского монотеизма выделен из космоса и противостоит природе, но способен к их познанию. Гносеологическое основание в вере в абсолютное трансцендентное начало, в сопричастности этому началу имеют не только наука и мораль, но и активизм европейской культуры, и их следствия, включая тотальное насилие, глобализацию, проблемы экологии.

Кроме того, по мнению В.В. Можаровского, именно иудаизм и христианство ответственны за формирование такого феномена психики, как бессознательное. Любая культура формирует личность, о-пределивает ее с помощью неких запретов, табу. Но таких заповедей, как те, что содержатся в Пятикнижии, нет в язычестве. Так же, впрочем, как нет и автономной от космоса души. В традиционных обществах прелюбодеяние, воровство, убийство и прочее – признаки удачливости и не табуируются. Введение же ветхозаветных заповедей породило такие психические феномены, как вытеснение либидозности. Иначе говоря, язычество не знает бессознательного. Так, в Индии, Непале нет проблемы сексуальных маньяков или суицида, составляющих целый пласт современной западной культуры. С этой точки зрения, бессознательное – иррациональный коррелят рационализма, компенсация за приобретения рациональности (наука и техника), укоренные в догматической сфере. «Как, например, все создания субъектной науки, все механизмы, произведенные техникой, являются неестественными и разрушаются в мире натуральных вещей, так и сам субъект, сам человек монотеизма, весьма неестествен и затрачивает огромные усилия для поддержания своего статуса в природном мире. Он находится в таком постоянном внутреннем напряжении, которое, возможно, не было присуще язычникам»[6].

Различение культур в зависимости от их отношения к персонологии имеет далеко идущие последствия как в плане проблемы собственности, экономических отношений и политической культуры, так и в плане морали, вплоть до неоднозначных представлений о перспективах самой человеческой цивилизации. Речь идет о рациональных биотехнологиях, вызвавших бурную дискуссию этиков, теологов, политиков, выплеснувшуюся в СМИ и ставшую уже фактором актуальной политической жизни.

Современный человек получил широчайшие возможности для изменения своей природы: от пластических операций и трансплантаций до генной инженерии. Урбанизированная техногенная цивилизация ведет к утрате телесной органичности. Бытийность человеческой телесности, формы ее существования становятся поливариантными. Тело превращается в аналог одежды, которым можно играть и который можно менять.

Если во времена Платона еще можно было понимать человека как бесперое двуногое с мягкой мочкой уха и плоскими ногтями, то что есть человек сейчас? Возможные ответы все более утрачивают шансы на однозначность. Если исходить из происхождения, то оно становится все более многовариантным: человек может быть зачат, выношен и рожден уже не только обычным, «натуральным» образом, но и возникнуть из пробирки, быть выношенным и рожденным суррогатной матерью, а теперь даже и мужчиной. Разработаны генные технологии, позволяющие гомосексуальным парам (женским и мужским) иметь собственных детей. Биотехнологии позволяют определять пол зародыша на ранних стадиях, а значит и, фактически, влиять на демографию. Разработаны методы создания условий для появления на свет детей с определенными генетическими характеристиками. Тем самым создаются предпосылки для закрепления разрывов в социальном статусе на генетическом уровне.

Возможности генной инженерии, банки спермы и яйцеклеток, клонирование порождают все большую неоднозначность относительно конечности человеческого существования, массу ***этических и религиозных проблем***[7]. Не менее острые дискуссии вызвала технология выращивания эмбрионов примерно до 14-дневного возраста, чтобы затем получать из них стволовые клетки, из которых уже можно выращивать любой орган и живую ткань – костную, мышечную и т.д. Дискуссия об использовании стволовых клеток приобрела колоссальный резонанс – в нее вмешалась даже Римская католическая церковь и лично ее глава, объявивший морально неприемлемыми любые манипуляции с живыми человеческими эмбрионами. Главное возражение противников этой практики имеет чисто этический характер: речь идет о бесчеловечном манипулировании людьми, фактически – убийстве. Проблема чисто персонологическая: являются ли используемые эмбрионы личностями, распространяются ли на них этические и правовые нормы?[8]

А как относиться к тому факту, что в мире ежегодно отправляются в помойку десятки (если не сотни) тысяч живых

человеческих эмбрионов, являвшихся материалом лечения некоторых форм бесплодия? При искусственном оплодотворении из некоторого количества оплодотворенных яйцеклеток, значительная часть которых начинает успешно развиваться, отбирается только одна, которая и отправляется в лоно счастливой пациентки, а остальные – невидимые простым глазом скопления – в лучшем случае в сосуд с жидким азотом. Что это? Или кто это? Отходы лечения? Вторичный «биоматериал», который можно использовать для спасения других жизней? Если это уже кто-то, то они – жертвы бесчеловечных технологий. Не случайно всего огромного авторитета Папы не хватило для того, чтобы остановить публичное обсуждение «терапевтического клонирования» даже в традиционно католической Италии.

На этом фоне в политическую проблему превратился аборт. То, что еще в середине XX в. рассматривалось как свободное волеизъявление потенциальной матери, превратилось в человекоубийство, квалификация которого оказалась связанной с вопросом: на какой стадии (скольких недель или даже дней) развития плода он может считаться человеческим индивидом. Поляризация общественного мнения выразилась в оформлении двух основных позиций: Pro Life и Pro Choice. В первом случае человеческая жизнь наделяется несомненными правами личности, человеческим достоинством и абсолютной автономностью с момента зачатия, а значит вмешательство в эту жизнь других лиц (вплоть до искусственного прерывания беременности) – недопустимо. Во втором – отстаивается приоритет выбора родителей, прежде всего – матери, в вопросах, связанных с зачатием и рождением ребенка. Однако такой план дискуссии – вчерашний день. Осмысление последствий генной инженерии раскололо лагерь либералов, традиционно отстаивавших право женщины на аборт. Наиболее последовательные продолжают отдавать преимущество праву женщины на самоопределение. Но в либеральном лагере появились и «большие католики, чем сам Папа», отдающие приоритет праву на защиту жизни эмбрионов[9], находящихся на начальных стадиях развития.

А оправдано ли и в какой степени лечение генной коррекцией? В каком смысле человек останется человеком, если поменяет свою генетическую идентичность, включив в свой геном часть генома крыс для повышения устойчивости к неблагоприятной экологии? Или часть генома свиней, что откроет широкий дополнительный ресурс трансплантологии? Или –

часть генома растений для более эффективной утилизации солнечного излучения?

Возникли и менее экзотические, но не менее острые проблемы. Появление группы общедоступных лекарств, позволяющих корректировать поведение, вызвали неоднозначную ситуацию в педагогике и семейном воспитании. Например, если ребенок импульсивен, не может долго задерживать внимание, не слушает, когда к нему обращаются, испытывает трудности при выполнении заданий, требующих внимания и интеллектуальных усилий, легко отвлекается, то ему может быть поставлен диагноз – синдром недостатка внимания и гиперактивности, и назначено лечение риталином, который «нормализует» поведение. Школьник освобождается от ответственности за свое безобразное поведение: его надо не воспитывать, развивая самодисциплину, а просто дать лекарство. Родители освобождаются от ответственности за плохое воспитание своего чада, просто за то, что запустили ребенка. Виноваты не они, какая-то патология, и исправлять поведение они должны не уделяя ребенку больше внимания и заботы, а оплачивая лекарство и визиты к врачу. Ну и само собой, учителя освобождаются от ответственности за неспособность привлечь внимание или призвать к порядку шалуна: риталин в их сознании занимает место педагогического таланта и опыта.

Упомянутые нравственные, правовые и религиозные проблемы характеризуют разнообразие ответов на вопрос о природе личности. Рождение и воспитание ребенка является одним из высших проявлений человеческой свободы и ответственности. Но современная генная инженерия, успехи медицины не просто породили биоэтику, а привели к совершенно немыслимым ранее нравственным, правовым и религиозным казусам.

Во всех приведенных примерах существо проблем, – не просто этическое. Речь идет о границах личности, которые в европейской традиции совпадают с границами свободы и ответственности, возможностью проявления свободы воли, самосознания, разума. Но сегодня – где и когда начинается и кончается Я, где и когда начинается и кончается личность? В XXI столетии эти вопросы звучат весьма нетривиально. Психологи и даже педагоги говорят о пренатальной (внутриутробной) стадии развития личности. Родителям впору как в «Стране водяных» Акутагавы испрашивать у не родившегося плода согласия на его рождение. Поневоле начинаешь вспоминать соратницу В.И. Ленина О. Лепешинскую, ставшую в советское время известным

биологом и занимавшуюся воспитанием зиготы. Вообще складывается впечатление, что еще немного и можно будет говорить о презиготной стадии развития личности. А оттуда уже рукой подать до представлений о карме.

Об этой же тенденции свидетельствует и обостренный интерес в конце XX столетия к так называемой трансперсональной (т.е. внеличностной) психологии, духовным практикам в духе Кастанеды, интегральной йоги Ауробиндо и т.п. Общим для всех них является поиск органической связи человека с бесконечным полем сознания (универсальным разумом или космическим сознанием), т.е. поиск выхода конкретной личности за рамки пространственно-временных и причинно-следственных границ.

Границы свободы и ответственности утрачивают ясность и четкость, которую они приобрели в Новое и Новейшее время. Границы свободы=ответственности в XIX и большей части XX вв. – это границы собственности личности, буквально – ее доли (куска, объема) бытия. В наше время «субстанция» свободы и ответственности становится виртуальной, подобно иррациональным числам, труднодоступной здравому смыслу и обыденной практике. Вменяемое «Я» становится некой «точкой сборки» свободы и ответственности самосознающего Я, которое не столько отделено от бытия, сколько вплетено в его ткань в качестве странника по стихиям бытия и его возможным мирам. Оно подобно пучку нитей, вплетающихся в ткани бытия, прорастающих в нем, образуя неповторимый узор – то ли войлок, то ли ковер. В античной мифологии богини судьбы – Мойры – именно этим и занимались[10].

Но все эти духовные приключения – источник грядущих метаморфоз и открытий в сфере нравственности и права – есть результат развертывания христологии – сердцевины христианства, выраженной в новозаветных текстах. Идея свободы как ответственности, будучи укорененной в христианской культуре, привела к своеобразному оборачиванию метода.

3. Два с половиной монотеизма и массовая культура

Атака Аль-Каидой ВТЦ в Нью-Йорке. Затянувшееся противостояние в Ираке и Афганистане. Приход к власти агрессивных режимов в Иране и Палестине. Активность исламского фундаментализма в Алжире и Турции, на Северном Кавказе, в Средней Азии и Индонезии. Парижская осень 2005. Всемирная «война карикатур» в феврале 2006. Проблемы по-

строения мультикультурального общества в Германии. Все эти события выстраиваются в ряд, очень убедительный для выводов типа «ислам проснулся», «невидимый халифат действует» и т.п. Этот всплеск исламской экспансии оказался неожиданным для большинства политиков и экспертов, очевидно, ожидавших после крушения «империи зла» торжества демократии, политкорректности, мультикультурализма и толерантности в рамках единых экономических, информационных, культурных и политических «пространств». Дошло до того, что Ф. Фукуяма, сделавший имя на тезисе о наступившем к началу 1990-х «конце истории», был вынужден в 2006 г. выступить с утверждением об определяющей роли различных политических культур. А большинство политиков, не говоря уже об обывателях, открыто говорят о прямом вызове, брошенном оказавшимся удивительно единым исламским миром – миру христианскому, оказавшемуся не готовым к выработке единой позиции перед лицом этого вызова.

Для уяснения смысла противостояния можно воспользоваться моделью, предложенной в 1994 г. Э. Геллнером в связи с выявлением им источников и перспектив гражданского общества[11]. Для Э. Геллнера главным было различие между христианством и исламом в плане поляризации «энтузиазма» (порывов духовного опыта к трансцендентому, к внебытийным и добытийным началам бытия) и «предрассудков» (бытовой ритуализации). С этой точки зрения, различие состоит в том, что, если в христианстве носителем «энтузиазма» выступала «периферия» (секты, ордена, раскольники), своеобразный культуральный «низ», при том, что «верх», «центр» (папство, патриаршество) выступал носителем терпимой ритуальной консолидации, то в исламе – обратная ситуация. Там всегда носительницей «энтузиазма» выступали образованные книжники («умма»), тогда как ритуальное бытовое разнообразие накапливалось и довольно мирно существовало на «низовой периферии».

В этой ситуации секуляризация христианской цивилизации породила такие социальные институты, как гражданское общество, демократия, правовое государство, обеспечивающие довольно мирное сосуществование носителей различных взглядов. Прорывы «энтузиазма» обычно затухали, достигнув пределов «национализма». Исламская культура в таких институтах просто не нуждалась.

Ситуация радикально изменилась в результате модернизации исламских стран, формирования в них урбанистическо-

го образа жизни, освоения современных информационных технологий, формирования массового общества и массовой культуры. «Прорывы в иное» духовных лидеров, дающие объяснение и утешение обездоленным, слились в едином надгосударственном мощном порыве «энтузиазма». Получилось что-то вроде накачки лазера, за которой последовал импульс мощного излучения. И средством «накачки» этого лазера оказались плоды европейской цивилизации (наука, техника, СМИ и т.д.).

Структурные синхронические различия двух монотеизмов, двух мировых религий, определяющих «осевое время» мировой истории, перешли в параметры, характеризующие различные стадии развития. Иудео-христианская цивилизация оказалась в статично-оборонительной позиции, тогда как исламская приобрела качественно новую энергетику развития, перейдя в фазу «горячего» общества, причем общества надэтнического, глобального или претендующего на глобализм.

Любопытна в этой ситуации история с «реальным социализмом» – попыткой реализации коммунистической доктрины, восходящей к марксизму и традиции утопического социализма. Фактически речь идет о «монотеистическом вывихе», попытке построения «Царства Божьего» на земле, т.е. о построении идеального и разумного общества справедливости при отказе от трансцендентного сакрального плана бытия.

Собственно, это был, фактически, глобалистский проект, реализованный с использованием ресурсов Российской империи. Был ли это проект «российской глобализации» или проект глобализации «реального коммуно-социализма» – неважно. Главное – эксперимент этот закончился печально. Причины неудачи уже вскрыты и неоднократно обсуждены. Важно отметить две вещи. Во-первых, то, что одной из причин краха стало противоречие между декларируемыми целями и результатами, недовольство отсутствием гражданских прав и свобод. Во-вторых, важно, что за крахом тоталитарного государства не последовали формирование гражданского общества и экономическое развитие, что оттолкнуло население от идей демократии и либерализма, а это, в свою очередь, создало условия для политической манипуляции и нового авторитаризма.

Как бы то ни было, но несколько неожиданно «плодами цивилизации», осуществлением проекта гуманистического Просвещения воспользовались другие. Европейская цивилизация своими руками, в результате собственной экспансии, стоившей ей много сил и жизней, создала себе «преемника».

Сказанное можно проиллюстрировать с помощью таблицы:

Типы монотеистических цивилизаций	**Носители устойчивости** (традиций, «предрассудков», терпимости к изменениям)	**Носители динамики** («энтузиазма», духовных прорывов в трансцендентное «иное бытия», важных для продвинутых интеллектуалов и дающих новое утешение слабым)	**Особенности современной ситуации** (в условиях массового общества, урбанистической среды, современного производства, СМИ, массовой культуры, современных информационных технологий)
Христианство	«Центр»/«верх» (папство, патриаршество)	Местные пуританские сообщества (протестантизм, ордена, секты, староверы)	Десакрализация, секуляризация, гражданское общество, демократия, толерантность
Ислам	Местные сообщества	Умма	Сакрализация, трансляция и торжество пассионарной уммы
Коммунизм (реальный социализм)	Отождествление экономики, политики и идеологии	Отказ от транцендентного, цезарепапизм	Крах, разочарование в несуществующих гражданском обществе и демократии, вопль об идеалах и «сильной руке»

Дело, однако, не ограничивается «исламским вызовом» и угрозой «нового халифата». Это внутренние «разборки» в рамках монотеистической традиции.

4. Третья сила: постчеловечность и бессубъектность

Человечество, живущее в условиях современной цивилизации, проходит некий водораздел, некую точку перелома метафизики нравственности. Ранее уже отмечался сдвиг гуманитарной парадигмы в сторону постчеловечности и постчеловеческой персонологии[12]. До сих пор наука и техника были солидарны с основополагающим тезисом христианской культуры и порожденного ею политического и нравственного мировоззрения: все граждане обладают равным шансом автономно (т.е. свободно и ответственно) реализовывать свою жизнь. И нарастающая свобода выбора только поощряла частную автономию отдельного человека.

Но уже вакцинация, операции на сердце и мозге, трансплантация органов ставили вопрос о пределе, за которым даже медико-гуманитарные цели не могут оправдать дальнейшую технологизацию биологической природы человека. И ни одна из дискуссий не установила этот предел, не остановила разви-

тие этой технологизации. В настоящее время количество переходит в качество.

Упомянутые достижения биотехнологий, генной инженерии, медицины – это возрастание свободы, не нуждающееся ни в каком ограничении, или этот прирост свободы выходит за некие границы и поэтому нуждается в нормативном ограничении? Реалии сегодня таковы, что изменяются критерии, в соответствии с которыми мы осознаем и понимаем себя как авторов собственной жизни и равноправных членов морального общества.

Например, устанавливается фундаментальная асимметрия межличностных отношений. До сих пор цивилизованное человечество – как в сфере науки, так и в сфере религии – исходило из того, что генофонд новорожденного и, следовательно, исходные органические предпосылки его будущей жизни не могут быть предметом целенаправленной манипуляции со стороны других людей. Взрослеющая личность уже могла подвергнуть свой жизненный путь критическому пересмотру и перестройке. Но в исходной позиции жизненного старта все мы одинаково зависимы от организма, телесной целостности, доставшейся нам стихийно и естественно, т.е. непредсказуемо. В этом плане все человеческие индивиды выступали как симметрично бесправные – как в пределах одного поколения, так и в плане отношений между поколениями. «Все мы – люди, все мы – человеки» и «Бог дал – Бог и взял» нашу жизнь.

Возникающая асимметрия обусловлена тем, что ставится под сомнение способность человека рассматривать самого себя как ответственного хозяина истории собственной жизни и, одновременно, уважать других как равных себе – хотя бы как представителей того же биологического вида, того же происхождения. С одной стороны, новые репродуктивные технологии, эвтаназия, генная инженерия, включая использование стволовых клеток и т.п. расширяют личную автономию и свободу. То, что И. Кант считал «царством необходимости» превратилось в «царство свободы». Но с другой стороны – свобода явно и жестко ограничивается, переходя в плоскость новой инженерии. Дело не столько в биотехнологии, сколько в отрыве самосознания личности от ее телесной природы и зависимости последней от этого самосознания[13]. В генной инженерии возникает серьезная моральная и даже правовая проблема защиты целостности генных структур, в отношении которых недопустимы никакие манипуляции – проблема неподвластности чужому влиянию биологических основ личности, ее био-

логической, телесной идентичности. Юридически эта проблема может быть сформулирована как «право на генетическое наследство, не подвергшееся искусственному вмешательству»[14].

Как же в таком случае, на фоне всеобщего движения за поддержку прав инвалидов, расценивать заявления ряда ассоциаций слепых и глухих, в которых они протестуют против планов разработки геномных методов лечения их недостатков, поскольку это грозит гибелью их особых субкультур, аккумулирующих специфический опыт и ценности, недоступные «нормальному» миру? И как быть с нередкими обращениями к врачам родителей-инвалидов, например, когда и отец, и мать – слепые, помочь им и «скорректировать» развитие плода, чтобы их ребенок родился тоже слепым. Как написано в одном из таких заявлений, «мы не хотим, чтобы он был одним из вас. Мы хотим, чтобы он был одним из нас, остался в нашей семье, в нашем сообществе. В нашем мире, о котором вы ничего не знаете и в котором жизнь не хуже, чем в вашем»[15].

Дискуссии об искусственном прерывании беременности, продолжавшиеся не одно десятилетие, все-таки кое-чему нас научили. Они убедительно показали, что в этом конфликте найти мировоззренчески нейтральное, лишенное каких бы то ни было предубеждений (т.е. приемлемое для всех граждан секулярного общества) решение проблемы морального статуса человеческой жизни на самых ранних этапах ее развития – практически невозможно. Что и было признано одним из столпов современного либерализма[16].

На первый взгляд, возникает альтернатива. Либо культуральный релятивизм, когда универсального решения нет и быть не может. Действительно, к одинаковым фактам – массовым преступлениям своего прошлого режима, атомной энергетике, и т.д. – в каждой культуре относятся по-разному. Свою роль играют исторические традиции, религиозные установки и т.п. Поэтому и новые этические проблемы, очевидно, в каждой культуре должны решаться по-своему.

Либо остается впасть в «биологический фундаментализм» и конституционно, а то и на межнациональном уровне утвердить тезис, согласно которому эмбрион изначально обладает человеческим достоинством, т.е. правами личности и имеет абсолютное право на защиту своей собственной (уже и изначально – собственной) жизни.

Человеческая мысль выработала три ответа на вопрос об источнике морали и права: (I) их природа Божественна; (II) они

коренятся в человеческой природе; (III) они являются порождением конкретных культур, т.е. результатом нормативно-ценностных конвенций.

Первая точка зрения оказывается все более трудно совместима с реалиями цивилизации. Третья ведет к полному нравственному релятивизму. Остается вторая. Но и она в постчеловеческой ситуации утрачивает справедливость, поскольку сами люди утрачивают универсальную общность своей природы.

- Они лишены общности происхождения, так как могут появляться на свет в результате коитального зачатия, in vitro (в том числе – по заказу) и в результате клонирования.
- Они лишены естественного характера – в результате успехов фармакологии можно существенно, если не радикально, менять характер личности.
- Они лишены общности телесности (смена пола, трансплантации, косметическая хирургия).
- Они лишены универсальной ситуации смерти или продолжения жизни: генная инженерия и современная медицина радикально стратифицируют человечество.

В современном мире существует целый спектр нравственных установок по отношению к проблемам генной инженерии и прочих биотехнологий. В принципе, можно обозначить две крайние позиции в качестве своеобразных «полюсов», между которыми размещаются все прочие.

Наиболее жесткую этическую и правовую позицию занимает ФРГ и большинство других стран континентальной части Западной Европы. Западная Европа, Abendlandes является колыбелью современной цивилизации, выросшей в лоне катафатической ветви христианства. Западная Европа является также родиной наиболее сильных, организованных экологических движений, а в некоторых странах, особенно в Германии («зеленые»), они давно уже входят в политический истеблишмент. И осторожность, даже враждебность по отношению к биотехнологиям является одним из их программных принципов.

Другой конец спектра составляют многочисленные азиатские страны. Эти общества, в силу религиозных, культурных, а значит и исторических обстоятельств куда менее озабочены этической стороной биотехнологий. Такие великие религии Азии, как конфуцианство и буддизм не знают идеи трансцендентного Бога. В конфуцианстве речь идет о почитании культа и заветов предков, а в буддизме каждый может стать Буддой, т.е. просветленным. И та, и другая религия, по типологии В.В. Можаровского,

бессубъектны. Столь же бессубъектны даосизм, синто и бон, которые наделяют духовными качествами животных и предметы, неодушевленные для европейца. Буддизм объединяет людей и создания природы в единый космос без качественных границ. Все эти традиции не проводят резких этических различий между людьми и прочим миром. Столь же бессубъектен и индуизм, в котором человеческая жизнь может цениться меньше жизни животного. А если сюда добавить еще и монотеистический, но также бессубъектный ислам, то становятся ясными масштабы «нравственного вызова» европейской цивилизации[17]. Этим культурам свойственно намного большее сочувствие к животным и растениям, а человеческая жизнь ценится существенно меньше. Во многих регионах Азии широко распространены аборты и даже инфантицид, особенно по отношению к младенцам женского пола (Китай). Правительство КНР проводило официальную политику ограничения рождаемости, а в 1995 г. приняло евгенические законы. В том же Китае официально разрешено изъятие органов у казнимых заключенных и использование их тел для самых различных целей, включая «художественные»[18].

Промежуточную позицию между Европой и Азией занимают англоязычные страны, Латинская Америка, страны Восточной Европы. США и Великобритания, в силу либеральных традиций, всегда скептически относились к государственному регулированию, в том числе – науки. Но и американское общество начинает приобретать все больше сторонников консервативного подхода и ограничений биотехнологий, вплоть до запретов на аборты. А Соединенное Королевство, пережившее шок от потерь в связи с «коровьим бешенством» (бычьей губчатой энцефалопатией), оказалось родиной самого мощного протеста против ГМО и биотехнологий в сельском хозяйстве.

Таким образом, мир все более поляризуется. Огромный азиатский регион, переживающий бурный экономический рост, не испытывает никаких правовых и нравственных ограничений на определенные технологии. Некоторые из этих стран (Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Сингапур) обладают необходимой научной и технической инфраструктурой. Кроме того, у них имеются мощные экономические стимулы завоевать свою долю рынка биотехнологии. Ужесточение европейского и американского законодательств по ограничению биотехнологий уже активизировало отток соответствующих научных, технических и финансовых ресурсов в азиатский регион. Поэтому в будущем биотехнология может стать важной линией раздела в международной политике[19].

5. Россия между жерновами цивилизаций

В нынешнем мире противостояние господствующему миропорядку со стороны бессубъектных культур выглядит как «геополитический вызов цивилизации». Хотя последствия этого процесса трудно установить и оценить заранее, направления наметившихся глобальных изменений можно проследить в общих чертах, исходя из нормативно-ценностных установок соответствующих культур.

По мере того, как численность носителей бессубъектных культур, а значит и население соответствующих государств, стремительно возрастает, тогда как население субъектно-ориентированных общностей сокращается, эта проблема приобретает настолько рельефную форму, что уже проглядывает возможное расслоение человечества по религиозно-ментальному принципу. Перед таким расслоением, перспектива которого, похоже, будет определять политическую ситуацию ближайших десятилетий, описанный С. Хантингтоном «конфликт культур» будет выглядеть как спор модниц о своих нарядах на представительном приеме.

Россия традиционно – в силу своего географического положения, состава населения и особенностей истории – занимала некую промежуточную позицию между культурами Запада и Востока, индустриальным Севером и аграрным Югом. В наше время мир стремительно меняется. Дело не ограничивается противостоянием ислама и христианства, очередным витком подъема Китая – реализацией глобалистского проекта, связанного с единственной империей, которая, однажды возникнув, не уходила из истории никогда. Экономически развитый иудеохристианский Запад переходит к обороне перед экономической, технологической и демографической экспансией бессубъектных цивилизаций. Возможна ли в этом стремительно разделяющемся мире для России игра в «свой путь» или претензии на некий «синтез»? Может ли Россия предложить новый глобалистский проект?

Как мне представляется, у России, находящейся сейчас в достаточно благоприятной для нее экономической и политической ситуации (обеспеченной, помимо прочего, именно процессом глобализации), появляются особые перспективы, «окна возможностей». Во-первых, российская культура всегда развивалась за счет рецепции и взаимодействия с другими культурами, впитывая и развивая достижения культуры и искусства других народов. Во-вторых, культурно-историческое наследие,

достижения культуры и искусства современной России в условиях глобализации получают возможности выхода и интеграции в глобальное культурное и информационное пространство.

Наконец, в-третьих, особый интерес представляет культурное наследие великой империи. Имперское культурное наследие парадоксально. Вообще, империя – это отнюдь и не во всем плохо. Как уже не раз отмечалось[20], все известные в истории империи были, по сути дела, глобалистскими проектами, ростками, «пробами пера» глобализации, и оставляли после себя великие культуры. Более того, можно утверждать, что цивилизационные прорывы в истории осуществлялись именно империями. В идее империи много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию этнических и конфессиональных противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению. Не являлась исключением из этого ряда и Российская империя, которая, как и всякая империя, не только была «тюрьмой народов», но и несла этим народам просвещение, условия развития, совместного существования. Речь идет об апелляции не к империи как таковой – претензии эти будут безосновательны и ведут в тупик, а об апелляции к конструктивному содержанию имперской культуры, способной объединять людей вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности.

Поэтому, как мне видится, проблема России не столько в «цивилизационном выборе», сколько в способности воспользоваться имеющимися историческими возможностями. А уж чего-чего, а креативного потенциала, оригинальности, неповторимого творческого «драйва», российской культуре не занимать.

Правда, чтобы воспользоваться этими возможностями, нужно умудриться пройти между двумя опасностями. С одной стороны, избежать искушения этничности, уже дающего бурные всходы. С другой, – не менее активного искушения «всечеловеческой соборности Земли Святорусской».

Поиск оптимального решения, однако, предполагает прояснение второго обстоятельства, обозначенного в самом начале этой статьи – выявления ценностно-смыслового содержания российско-советского опыта самосознания. Без такой аналитической работы невозможно не то, что определение курса, вектора развития или хотя бы общей ориентации, но даже просто адекватный диагноз, не говоря уже об обозначении самих «окон возможностей». Это уже выходит за рамки данной статьи, но решать эту задачу надо.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Тульчинский Г.Л.* Проблема либерализма и эффективная социальная технология // Вопросы философии. 2002. № 7. – С. 17 – 25.

[2] Неспроста возникновение науки, scientia, как опытного знания, и охота на ведьм – процессы одновременные.

[3] Подавление жизненного мира рационализированной логикой в постмодернизме получило название «логоцентризма», а то и «фаллогоцентризма» – завуалированной формы воли к власти, которая, зажав нас в железные тиски рациональной эффективности, порождает различные формы насилия, выступая главным источником террора и беспорядка в современном мире.

[4] См. например: *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб., 2002. Книга эта производит очень противоречивое впечатление. С одной стороны, в ней содержится ряд нетривиальных соображений о ментальности и науке, семье. С другой, как только дело доходит до политики, автор соскальзывает в великодержавие, антисемитизм, антиглобализм. Чего стоят, например, его рассуждения о том, что иудаизм и прочие нехристианские деноминации не нуждаются в территории, которая является вторичной по отношению к религии (это в иудаизме-то?), а вот бедное православие нуждается именно в территории. Или сопоставление (С. 179) К. Маркса с Богом-отцом, Ф. Энгельса – с Духом, а В. Ленина с Сыном – мучеником и спасителем!

[5] См. также: *Тульчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. – Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.

[6] *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – С. 148. В этом плане юнгианство оказывается укорененным в протестантизме, а творчество Ф.М. Достоевского – формулировкой православной идеи бессознательного.

[7] Большинство ведущих конфессий однозначно выступили против клонирования на том основании, что в данном случае человек претендует на роль Творца. Будет ли клонированный человек иметь статус человека? А значит, будет ли на него распространяться запрет на его убийство? Или продукт клонирования будет иметь статус «голема» – искусственного человека, одушевленного магическим образом, которого, поскольку он не человек, можно убивать? Является ли клонирование исполнением божественной заповеди «плодитесь и размножайтесь»? Ведь эта заповедь относится только к гетеросексуальным парам, вступающим в законный брак и размножающимся естественным путем, или эта заповедь относится к результату, а не к способу зачатия? Как быть с биологическим отцовством в случае донорства не семени, а генетического материала вообще – ядра клетки?

[8] При этом аргументы противников клонирования логически противоречивы: запрет доращивать клонированные эмбрионы до рождения предполагает их тождественность человеку-донору, а запрет использовать их как биоматериал – их индивидуальность и самоценность. Это опять-таки подчеркивает персонологический характер проблемы.

[9] Под эмбрионом в современной медицине понимается плод на стадии от оплодотворения яйцеклетки до начала развития отдельных органов, т.е. до восьмой недели беременности. С 9-й по 38 неделю длится период внутриутробного развития.

[10] Можно уподобить Я волновой функции или немонотонной функции вроде функции Дирихле.

[11] См.: *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М., 2004.

[12] См.: *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб., 2002.

[13] В этой связи перспективным, заслуживающим не меньшего внимания, чем либеральные дискуссии по биоэтике, выглядит предложение некоторых российских политиков и социологов (А.В. Баранов, Л.М. Семашко) о внесении в Конституцию и избирательный закон поправки, увеличивающей число голосов у граждан, имеющих несовершеннолетних детей на число, соответствующее количеству детей. Тем самым могут быть учтены интересы, как детей, так и их родителей, имеющих качественно иную степень ответственности, чем дяди и тети, которым любить ближнего тем легче, чем он дальше.

[14] *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? – М., 2002. – С. 38.

[15] Эти и другие примеры см.: *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. – М.. 2001.

[16] *Dworkin R.* Life's Dominion. – N. Y., 1994.

[17] Наверное, в эту же альтернативу может вписываться и африканский регион, север которого составляют страны ислама, а «черная Африка» является христианской и исламской достаточно поверхностно и условно. В странах же экваториальной Африки чрезвычайно распространены языческие культы.

[18] Для первых «пластинатов» немецкого «скульптора» Г. фон Хагеса использовались тела казненных граждан КНР.

[19] *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологичесой революции. – М., 2004. – С. 270 – 273.

[20] *Тульчинский Г.Л.* Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // Философские науки. 2010. № 1. – С. 51 – 72.

Аннотация

Современная глобализация имеет весьма разнородные тренды. Существует несколько глобализационных проектов, важную роль в которых играет отношение к возможностям современных биотехнологий. Есть ли у России выбор в этой цивилизационой ситуации?

Ключевые слова:

биотехнологии, биоэтика, глобализация, культура, монотеизм, персонология, Россия, цивилизация.

Summary

Contemporary globalization has very heterogeneous trends. There are several globalization projects. A complex relation to the possibilities of the contemporary biotechnologies has important role in these projects. Has Russia a choice in this civilization situation?

Keywords:

biotechnologies, bioethics, civilization, culture, globalization, monotheism, personology, Russia.